Журнал Фронтирных Исследований. 2021. No 4 | ISSN: 2500-0225
Этнические меньшинства в контактных зонах | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.339

THE GERMAN POPULATION OF SIBERIA IN THE CONDITIONS OF SOCIAL TRANSFORMATIONS OF THE 1900S-1920S

Vladimir N. Shaidurov

Pushkin Leningrad State University. St. Petersburg, Russia. Email: s-w-n[at]mail.ru

Abstract

At the turn of the 19th – 20th century Siberia became a "melting pot" once again, where the representatives of various ethnic groups found themselves. The reasons for the resettlement beyond the Urals were of predominant economic character. The purpose of this paper is to analyze the impact of various social events of the first third of the 20th century on the life of Siberian Germans. Russian Germans engaged in agriculture were forced to seek the ways to survive inside Russia in the situation of the agrarian crisis. Modernization of the state migration policy at the beginning of the 20th century and development of the railway transport allowed for labor migration, as a result of which Siberia turned into one of the agrarian regions, being on the rise, by the mid-1910s. German immigrants, who created capitalist farm type households there and became a model for Russian old-timers and other immigrants, contributed greatly to his process. However, the events of 1914-1922 disrupted the customary pace of life in the German village. The economic policy of the Bolsheviks who came to power provoked famine in the first half of the 1920s.The German population suffered from hunger as well, which drove up emigration sentiments. However, NEP and restoration of cooperation allowed them to start rapid recovery of the small-scale economy. The All-Russian Mennonite Agricultural Union played a pivotal role in this process. The gradual curtailment of NEP and transition to a command-administrative economic model were connected with pressure on the German population among which the conservative-clerical sentiments prevailed. It was sure to provoke a new round of confrontation between the Russian Germans and the Soviet state in the late 1920s already. The article is intended for those interested in the history of ethnic minorities (Russian Germans) and national politics in the twentieth century.

Keywords

Russian Germans; Siberia; Resettlement; Mennonites; National Policy; National Autonomy; German District; All-Russian Mennonite Agricultural Union; Famine; New Economic Policy; Civil War in Russia

This work is licensed under a Creative Commons «Attribution» 4.0 International License

Journal of Frontier Studies. 2021. No 4 | ISSN: 2500-0225
Ethnic Minorities in Contact Zones | Doi: https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.339

НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 1900-Х – 1920-Х ГГ.

Шайдуров Владимир Николаевич

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. Санкт-Петербург, Россия.
Email: s-w-n[at]mail.ru

Аннотация

На рубеже XIX – XX вв. Сибирь вновь стала «плавильным котлом», в котором оказались представители различных этнических групп. Причины переселения за Урал носили преимущественно экономический характер. Целью данной статьи является анализ влияния различных общественных событий первой трети XX в. на жизнь сибирских немцев. В условиях аграрного кризиса российские немцы, связанные с сельским хозяйством, вынуждены были искать пути выживания внутри России. Модернизация государственной переселенческой политики в начале XX в. и развитие железнодорожного транспорта создало благоприятные условия для трудовой миграции, в результате которой к середине 1910-х гг. Сибирь превратилась в один из динамично развивавшихся аграрных регионов. Не последнюю роль в этом процессе сыграли немецкие переселенцы, создавшие здесь капиталистические хозяйства фермерского типа и ставшие образцом для русских старожилов и прочих переселенцев. Однако события 1914-1922 гг. нарушили сложившийся ритм жизни немецкой деревни. Экономическая политика пришедших к власти большевиков спровоцировала голод в первой половине 1920-х гг. Немецкое население также пострадало от голода, что спровоцировало рост эмиграционных настроений. Однако НЭП и восстановление кооперации позволили ему начать быстрое восстановление мелкотоварного хозяйства. Важную роль в этом процессе сыграл Всероссийский меннонитский сельскохозяйственный союз. Постепенное свертывание НЭПа и переход к командно-административной экономической модели были сопряжены с давлением на немецкое население, среди которого преобладали консервативно-клерикальные настроения. Уже в конце 1920-х гг. оно спровоцирует новый виток противостояния российских немцев и Советского государства. Статья рассчитана на тех, кто интересуется историей этнических меньшинств (российских немцев) и национальной политики в XX в.

Ключевые слова

российские немцы; Сибирь; переселение; меннониты; национальная политика; национальная автономия; немецкий район; всероссийский меннонитский сельскохозяйственный союз; голод; Новая экономическая политика; Гражданская война в России

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ВВЕДЕНИЕ

В середине 1760-х гг. по инициативе императрицы Екатерины Великой началась иностранная колонизация. На первом месте по числу переселенцев из Центральной и Западной Европы стали немцы, которые основали в течение 1760-х – 1820-х гг. группы поселений (колоний) в Поволжье, Новороссии, Санкт-Петербургской, Новгородской, Воронежской, Волынской губерниях. Нехватка земли в условиях увеличивающегося населения колоний подтолкнула во второй половине XIX в. к приобретению земельных участков для образования так называемых дочерних колоний (Поволжье, Причерноморье, Белоруссия, Северный Кавказ). На рубеже XIX – XX вв. эта же причина побудила переселенцев включиться в общероссийские миграционные процессы. Активное участие немцев в столыпинском переселении привело к появлению в Сибири и Центральной Азии многочисленных моноэтничных поселков, которые стали центрами развития зернового и молочного хозяйства фермерского типа. К началу Первой мировой войны они являлись важными поставщиками зерна и сливочного масла на внутренний рынок. Однако общественные потрясения 1917 – 1920 гг. нанесли серьезный удар по немецкому хозяйству в Сибири. НЭП стал для немцев спасением: основная ставка в этот период была сделана на различные формы кооперации. В условиях свертывания НЭПа и перехода к коллективизации возник латентный конфликт между немецким населением Сибири и Советским государством. Не желая отказываться от индивидуального хозяйствования, подкрепленного доминировавшей протестантской этикой, многие из них на рубеже 1920-х – 1930-х гг. предприняли попытку эмигрировать из СССР в США, Канаду, где у некоторых из них еще с 1870-х гг. проживали многочисленные родственники. Однако это протестное движение было подавлено, а немецкое население Сибири утратило «кредит доверия» Советской власти. Оно вынуждено было включиться в колхозное строительство. Но потеря большей части рабочего и продуктивного скота, усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря, наличных средств сделали немецкие колхозы заурядными. Ликвидация Октябрьского (Немецкого) района в Алтайском крае и «Большой террор» 1937-1938 гг. нанесли колоссальный урон сибирским немцам, от которого они смогли оправиться лишь в 1960-е – 1970-е гг.

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ

Целью данной статьи является анализ влияния различных общественных событий первой трети XX в. на жизнь сибирских немцев. В центре внимания находятся вопросы, связанные с переселением и адаптацией немцев из различных частей Российской империи в Сибирь, их контактами со старожильческим и переселенческим населением в местах водворения, влиянием Первой мировой войны, Великой Русской революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны на повседневную жизнь немецких крестьян, взаимоотношениями сибирских немцев с новой властью в 1922-1927 гг.

В основу исследования заложены принципы теорий модернизации и фронтира. В результате переселения немецких крестьян в Сибирь сформировался дополнительный фактор, способствовавший модернизации сельского хозяйства. Используя различные источники, они смогли в короткий срок адаптироваться к новым природно-климатическим условиям и создать успешно действовавшие до 1917 г. хозяйства фермерского типа, являясь образцом для подражания окружающему их населению.

Основной массив исторических источников, которые были использованы нами при написании данной статьи, представлен архивными документами, отложившимися в хранилищах центральных (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный исторический архив) и региональных архивах (Государственный архив Алтайского края, Государственный архив Томской области).

Наиболее ценными являются для нас документы экономического содержания за разные исторические периоды. Так, следует выделить первичные подворные карточки Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., анализ которых дает исследователю разноплановую информацию о крестьянском хозяйстве, а массовый характер источника позволяет проводить глубокие статистические исследования. Другим видом статистического источника стали карточки немецких кооперативов в Сибири, которые были составлены для «Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного союза» (далее ВМСХС) – “Allrussischer mennoniten landwirtschaftlicher Verein” (1923 – 1928 гг.). Оба источника позволяют составить представление об экономическом благосостоянии немцев региона в местах компактного проживания накануне общественных и экономических трансформаций.

Документы местных партийных и советских органов власти (политдонесения, информационные письма и пр.), отложившиеся

в региональных архивах, позволяют нам восстановить как обстановку в немецких поселках накануне (1928 г.), так и в момент массовой эмиграции (1929-1930 гг.). Важное значение имеют документы, отражающие экономическое и моральное положение немцев, вынужденных вернуться в Сибирь (1930 г.).

В целом использование широкого круга исторических источников позволяет достичь исследовательской цели.

ОБСУЖДЕНИЕ

История сибирских немцев первой трети XX в. изучена на сегодняшний день неравномерно как в проблемном, так и в хронологическом отношении. Отечественные историки конца XX – начала XXI в. основное внимание уделяют досоветскому периоду. В данном случае мы имеем дело с публикациями как общего, так и тематического содержания.

Следует отметить монографию П. П. Вибе, посвященную анализу социально-экономической жизни немецких поселений в Сибири (Вибе, 2007). Используя богатый фактографический материал, автор сосредоточил основное внимание на переселенческих поселках Омского уезда Акмолинской области. Материалы же по немецким поселкам Томской губернии были использованы крайне слабо.

На протяжении многих лет нами изучаются различные аспекты исторического прошлого сибирских немцев. Так, в 2003 г. нами была опубликована монография, в которой подробно были рассмотрены вопросы, связанные с переселением немцев-поселян за Урал и их экономической адаптацией к новым условиям жизни (Шайдуров, 2003). Позднее с позиций компаративизма немцы Сибири были рассмотрены в сравнении с польским и еврейским населением региона (Шайдуров, 2013).

Большое внимание в 2000-х – 2010-х гг. уделяется изучению отдельных проблем. Так, появились исследования по истории немецкого предпринимательства в Сибири. Среди авторов, активно работающих в данном направлении, следует выделить В. А. Скубневского (Скубневский, 2010), И. И. Кротта (Кротт, 2010), В. Н. Шайдурова (Shaidurov, 2017). В опубликованных работах отмечается вклад немцев как в развитие аграрного, так и промышленного предпринимательства в Западной Сибири.

Таким образом, при изучении истории конца XIX в. – 1917 г. авторы сосредоточили основное внимание на проблемах социально-экономического характера.

Великая русская революция 1917 г. и Гражданская война сыграли заметную роль в истории немцев Сибири. Наравне с другими этническими меньшинствами они оказались в поле зрения Советской власти, которая постаралась найти в их среде опору. Подробно эта тема представлена в монографии И. В. Нам (2009). Еще один важный сюжет истории сибирских немцев межвоенного периода, попытка массовой эмиграции в США и Канаду в 1929-1930 гг., был освещен лишь в монографии Л. П. Белковец (1995).

Межвоенный период истории сибирских немцев рассматривается преимущественно сквозь призму государственной политики. Однако проблемы экономической жизни немецкой деревни в 1920-е гг. отражены в отечественной историографии фрагментарно (Вибе, 2007). Этот пробел частично закрывают работы краеведческого содержания (Фаст, 2012).

Особый интерес представляет деятельность в период НЭПа региональных отделений ВМСХС. Эта тема применительно к Сибири затрагивалась крайне редко (Вибе, 2007). Можно согласиться с отечественными учеными, что «вопрос о деловых контактах … остается определенной лакуной в исследованиях» (Редькина, Назарова & Морозова, 2020, с. 45).

Определенный интерес к немецкому населению Сибири проявляли и зарубежные авторы. Так, в Германии второй половины 1920-х – 1930-х гг. были опубликованы работы, в которых упоминались немецкие переселенческие поселки в Сибири (Schmidt, 1926). В некоторых из них использовался первичный авторский материал, полученный во время их посещения. В отличие от своих предшественников (например, пастора Я. Штаха) (Stach, 1938), авторы 1950-х – 1960-х гг. опирались преимущественно на воспоминания эмигрантов и работы предшественников (M…r, 1964; Stumpp, 1964). Совместная монография Д. Брандеса и А. Савина (Brandes & Savin, 2001) стала настоящим прорывом. В ней авторы на основе богатого источникового материала представляют различные аспекты взаимоотношений сибирских немцев с советскими и партийными органами власти.

Подводя итог иториографическому обзору, можно согласиться с мнением Т. Б. Смирновой, которая указала на высокую степень изученности истории немцев Сибири (Смирнова, 2008). В то же время следует отметить, что вне поля зрения авторов до сих пор остаются вопросы, которые требуют глубокого изучения с привлечением широкого круга источников.

НЕМЦЫ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX В.

Аграрный кризис, охвативший в XIX в. основные центры сельскохозяйственного производства Российской империи, не обошел стороной немецкие колонии Поволжья, Новороссии, Кавказа. Реформа колоний 1871 г., направленная на дальнейшую гомогенизацию общества, вызвала негативные отклики в среде бывших колонистов. В результате ее проведения немцы лишились тех привилегий, которые были им дарованы в 1760-х – 1810-х гг., в том числе и в земельном вопросе.

Естественный рост колонистского населения при сохранении неизменного земельного фонда уже во второй половине XIX в. поставил его перед необходимостью оперативного решения земельного вопроса. Наиболее богатые меннонитские колонии Юга России стали приобретать земельные участки и образовывать на них так называемые «дочерние колонии». Например, земли приобретались на Кубани (Алексеенко, 1994, сс. 56-57) и Дону (Чеснок, 1994, с. 82). Но далеко не все колонии имели средства для приобретения новых земельных участков, на которые осуществлялся вывод молодых семей. В общероссийском масштабе в начале 1900-х гг. этому стали препятствовать на уровне Крестьянского Банка, который, по факту, перестал выдавать кредиты на покупку земли лицам немецкой национальности (РГИА, 1900-1901, л. 4). Подобного рода действия в Привислинском крае, Сибири и на Урале чиновниками объяснялось отсутствием интереса со стороны правительства «к приобретению земель сего рода лицами» (РГИА, 1900-1901, л. 17). Неурожай, голод и эпидемии начала 1890-х гг. негативно отразились на экономическом благосостоянии большинства колонистов. Все это еще больше подогревало миграционные настроения среди немцев-аграриев.

Для небольшого числа немцев выходом стала эмиграция за Океан. По некоторым данным, к началу XX в. в США, Канаду, Бразилию и некоторые другие страны Америки выехало ок. 80 тыс. российских немцев, что в сравнении с численностью всего немецкого населения России на 1897 г. составило более 4% (Профессии и занятия …). Однако эмиграция была доступна далеко не всем желающим, т.к. она была сопряжена с серьезными материальными издержками. Далеко не каждая колонистская семья могла себе позволить такие траты. Поэтому подавляющее большинство немцев оставалось в России и изыскивало внутренние возможности для улучшения материального положения.

Вплоть до конца XIX в. стихийная миграция в Сибирь находилась под законодательным запретом. Однако на рубеже XIX – XX вв. прави-

тельство стало рассматривать территории за Уралом не столько как место ссылки, сколько как один из привлекательных в экономическом отношении регионов. Хозяйственное развитие шло медленными темпами, что было связано со слабой заселенностью, отсутствием развитой системы дорог, низкой покупательской способностью населения, дороговизной банковского кредита и многими другими причинами. Начавшееся железнодорожное строительство и массовое крестьянское переселение должны были изменить ситуацию в лучшую сторону.

К концу XIX в. в Сибири Первой всеобщей переписью населения было учтено лишь 5,4 тыс. немцев, которые проживали преимущественно в городах и были заняты в местной промышленности (23,5%), несли частную службу (ок. 8%) и т.д. (Профессии и занятия …). В это же время в сельском хозяйстве было занято лишь 23% немцев региона (Профессии и занятия …). Это были те немцы-переселенцы, которые в начале 1890-х гг. водворились в Тобольской и Томской губерниях. Основанные ими поселения Александровка (Вибе, 2007, с. 45) и Подсосновое (Фаст, 2012, с. 15) стали центрами притяжения бывших колонистов. В этот период сформировалось несколько центров немецкой аграрной колонизации в Западной Сибири. В Тобольской губернии большая часть переселенческих поселков возникла вблизи Омска. На территории Томской области немцы обосновались преимущественно в ее Алтайской части (до 1907 г. это был Алтайский округ ведомства Кабинета Его Императорского Величества). Одним центром притяжения на северо-западе стал г. Славгород, другим (на юго-западе) с. Змеиногорское.

Вплоть до 1910 г. основной поток шел из Саратовской и Самарской губерний, наиболее пострадавших от голода и эпидемий начала 1890-х гг. Немецкое переселенческое население в Сибири различалось не только по месту выхода, но и конфессиональной принадлежности. Если первоначально преобладали католики и лютеране Поволжья, то в 1910-х гг. среди переселенцев резко выросла доля меннонитов, сохранявших связи с материнскими колониями в Новороссии.

Сибирские немцы на новом месте жительства столкнулись с многими проблемами: требовались деньги на приобретение инвентаря, покупку семенного материала; нужно было приспособиться к ведению хозяйства в условиях критического земледелия. Адаптация шла крайне тяжело. Первые два-три года оказались неурожайными. Небольшие средства тратились на покупку зерна для нового посева. В этот период в переселенческих поселках обыденным явлением стал голод. Типичной была ситуация, представленная в одном из крестьян-

ских прошений: «В настоящем 1910 г. на выданном нам участке урожая хлеба по случаю засухи ничего решительно не оказалось, даже до сего времени (осень 1910 г. – В.Ш.) во многих местностях осталось невсхожим, а который взошел, еще зеленью окончательно повыгорел, так что по снятии урожая в некоторых домохозяйствах даже не получили семян, которые были высеяны при посеве весной сего года» (РГИА, 1910-1912, лл. 12-12 об.).

Немцы неоднократно обращались к местным властям с просьбой выдать им «семенную ссуду» до будущего урожая. Крестьяне обращались с просьбами ссудить их деньгами на покупку скота: «Приехав в Сибирь и обзаведшись лошадьми, в текущем году (1910 г. – В.Ш.) потеряли положительно все, в настоящее время не имеем ни одной лошади, а также не имеем средств к покупке таковых» (РГИА, 1910-1912, л. 46). Однако в большинстве своем эти прошения оставались без ответа, что вполне объяснимо: в это же время в степных районах возникли не только немецкие, но и русские, украинские, белорусские, прибалтийские поселения, население которых столкнулось с теми же проблемами. В решении возникающих проблем они были предоставлены сами себе. Разумеется, это способствовало растущему разочарованию и возникновению «обратного переселения», составившего ок. 1/3 от всех переселенцев.

В более выгодном положении оказались меннониты. Не рассчитывая на поддержку со стороны государства в реализации переселенческих мероприятий, они с середины XIX в. накопили определенный опыт. Бывшие однообщинники получали на обзаведение хозяйством и всем необходимым на новом месте жительства беспроцентные ссуды, многократно превосходившие те государственные средства, на которые могли претендовать все переселенцы. Так, на одну семью меннониты Таврической губернии выделяли более 440 руб. беспроцентной ссуды сроком на 19 лет (Сборник статистических сведений…, 1913, с. 186). Значительные капиталы в сочетании с взаимовыручкой позволили меннонитам Сибири в короткий срок встать на ноги. В течение 1910-1914 гг. доля зажиточных немецких хозяйств выросла до 50%, а среди меннонитов она была чуть выше (ГААК, 1917a-1917k).

Уже в 1910-х гг. оформились специфические черты хозяйствования омских и алтайских немцев. Как показывают источники и современные исследования, среди первых отмечается высокий процент аграрных крупнокапиталистических хозяйств, ориентированных на животноводство. Коневодство, разведение тонкорунных овец, так называемой «Красной» или «Немецкой» породы крупного рогатого скота стало визитной карточкой немецких хозяйств (Вибе, 2007, с. 110).

Во многом это было связано с близостью к Омску, который в начале XX в. стал одним из наиболее динамично развивающихся городов Сибири.

Алтайские немцы оказались в более сложном положении. Адаптировавшись к природно-климатическим условиям они стали одним из основных производителей пшеницы. Главным центром скупки зерна стал Славгород. По свидетельству современника, в начале 1910-х гг. здесь был выстроен переселенческий элеватор на 100 тыс. пуд. зерна, передвигающегося по ленте (Вощинин, 1912, с. 41). Уровень товарности немецких поселков на Алтае был гораздо выше, чем в соседних русских и украинских поселениях. Этот факт сделал их объектом для подражания. Вот как описывал увиденное в Кулундинской степи В. П. Вощинин:

> «Обгоняем огромные парные телеги на железном ходу, полные сена, тут же встречаем в разгаре работы жнейку-сноповязалку, снимающую пшеницу; сельская жизнь бьет ключом, но как-то по-новому, слишком все носит западно-фермерский отпечаток, будто и не в России находишся. Оказывается, что это хохлы, екатеринославцы, и херсонцы, в перемешку с немцами меннонитами, тысячами облюбовавшими Кулунду и нашедшие в ней все вообще вторую, богатую Родину» (Вощинин, 1912, с. 30).

В начале 1900-х гг. повсеместно в Сибири распространились сепараторы. Этот факт положительным образом сказался на благосостоянии немцев. В Омском уезде в первые годы водворения именно маслоделие стало спасением в условиях голода 1900-1901 гг. (Вибе, 2007, сс. 109-110). В 1917 г. практически во всех немецких поселках на Алтае были образованы маслодельные кооперативы, производившие высококачественное масло и дававшие дополнительный доход своим членам.

Среди других неземледельческих занятий, ставших своего рода «визитной карточкой» сибирских немцев, стало мукомольное производство. Немцы устраивали мельницы не только в своих поселках, но и арендовали земельные участки в русских, малороссийских селениях, обеспечивая, таким образом, потребности крестьян. Одной из самых крупных немецких мукомольных предприятий на Алтае стала паровая мельница Якоба Тьярта в пос. Гальбштадт, представлявшая трехэтажное здание с оборудованием, закупленным в Германии. О ее популярности свидетельствует тот факт, что, по свидетельству Г. Фаста, зерно для помола везли не только немцы, но и русские, малороссы и другие переселенцы (Fast, 1956, p. 23).

Начавшаяся Первая мировая война негативно сказалась на жизни немецкого населения Сибири. Часть мужчин была призвана в Русскую армию и в дальнейшем воевала на Кавказском фронте либо в санитарных командах (меннониты). Это привело к некоторому сокращению посевных площадей. Незначительный ущерб был нанесен и маслоделию. Главным скупщиком сибирского масла являлась «Сибирская компания» (Дания), которая вынуждена была с началом войны значительно сократить поставки в Германию, выступавшую одним из основных рынков сбыта. В отличие от Европейской России в Сибири не было полномасштабной «антинемецкой кампании», а так называемые ликвидационные законы были применены в единичных случаях (были расторгнуты договоры на аренду земли).

В то же время Сибирь приняла в 1915-1917 гг. незначительную часть беженцев, осевших в городах, и новых переселенцев. Абсолютно новым явлением в формировании этнодисперсной группы именно в годы Первой мировой войны стала депортация по национальному признаку. Так, летом 1916 г. из прифронтовой Волынской губернии распоряжением военных властей было депортировано несколько партий местных немцев-колонистов. Новым местом их поселения была определена Томская губерния, куда только в августе 1916 г. прибыло «этапным порядком» 402 немца, среди которых 70% составили дети и подростки (54%) и старики (16%) (ГАТО, 1916, лл. 27-41).

В целом, к 1917 г. в Сибири проживало более 55 тыс. немцев, среди которых подавляющее большинство составили крестьяне-переселенцы. Основная масса была сконцентрирована в Омском уезде Акмолинской области и Барнаульском уезде Томской губернии. Образовав преимущественно моноэтничные поселки, они в сравнительно короткий срок адаптировались к новым условиям и заняли свою экономическую нишу в сельскохозяйственном производстве. В Сибири немцы активно контактировали с окружающим населением. Имея более высокий уровень экономического развития, они выступали в качестве образца для подражания как в вопросах землевладения и землепользования, так и в других вопросах: разведении более продуктивных пород домашнего скота, использовании сложной сельскохозяйственной техники, создании общественных хлебозапасных магазинов на случай голода и т.д. Лояльное отношение к ним со стороны властей в условиях сибирского многоземелья не позволило развернуть печально известную кампанию по борьбе «с немецким засильем».

ОТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ К НЭПУ

Как показывают документы, сибирские немцы спокойно отнеслись к происходившим в стране общественно-политическим переменам в течение 1917 г. В значительной степени это можно объяснить определенной политической индифферентностью, особенно среди меннонитского населения. В отличие от сибирских евреев или поляков они не принимали активного участия в областническом и иных политических движениях.

В годы Гражданской войны сибирские немцы испытали на себе все тяготы. В 1918 г., находясь на территории, подконтрольной Временному Сибирскому правительству, они, как и все прочие, вынуждены были выполнять мобилизационный план. Нежелание воевать на чьей бы то ни было стороне в конце лета подтолкнуло их в сторону большевистских агитаторов, развернувших свою деятельность в селах Славгородского уезда Алтайской губернии. Результатом их деятельности стало Чернодольско-Славгородское восстание (28 августа – 11 сентября), в котором принимали участие поселяне немецкой Подсосновской волости. Кровавое подавление выступления отрядом атамана Б. В. Анненкова в Славгороде (по некоторым данным, ок. 200 делегатов уездного съезда было изрублено на городской площади) сопровождалось репрессиями по всему уезду, жертвами которых стали и немцы.

Установление Советской власти негативным образом отразилось на экономическом состоянии немецких хозяйств. В результате политики продразверстки был изъят хлеб, скот и т.д. Ситуация усугублялась неурожаями, которые были характерны для данной зоны рискованного земледелия. Уровень благосостояния немецких хозяйств в этих условиях значительно упал.

В 1920 и 1921 гг. большая часть зернопроизводящих районов Сибири была охвачена неурожаями. Посевная площадь сократилась вдвое в сравнении с довоенным уровнем (Ильиных, 2013, с. 20). Однако немцы Славгородского уезда смогли собрать неплохой урожай. В условиях разразившегося голода они смогли оказать помощь немцам, проживавшим в Омском уезде. Незначительные излишки продовольствия были отправлены в Омск.

Однако 1923 г. стал неурожайным уже для юга Западной Сибири – главной житницы региона. Ситуация в значительной степени усугублялась взиманием на местах продналога. Если за 20 лет крестьяне уже смогли приспособиться к природно-климатическим особенностям региона и имели отработанную практику существования в условиях неурожаев, то непостоянная продналоговая политика сводила все усилия крестьян к нулю. Крестьяне видели выход лишь в переселении

в другие районы. Показательны в этом отношении данные Алтайского губстатбюро. По результатам анкетирования выяснилось, что с 1922 по 1923 г. только в Рубцовском уезде число хозяйств сократилось почти на 3% (с 56 358 до 54 605). В записке, адресованной в Сибревком, указывалось, что «население бежит и бегут крупные семейства с большим числом едоков» (ГАРФ, 1924, л. 21). За тот же период численность населения уезда сократилась с 352 258 до 333 124 чел. или на 5,4% (ГАРФ, 1924, л. 21). Главной причиной выселения назывался «тяжелый налог» (29%), в то время как о засухе упомянули лишь 3% (ГАРФ, 1924, л. 21).

Наиболее тяжелая ситуация сложилась на рубеже 1923-1924 гг. в Славгородском уезде Омской области. Около 1/3 засеянных весной 1923 г. площадей в округе погибло от засухи и невсхожести. Необходимость выплаты налога хлебом и деньгами стала сильным ударом по крестьянским хозяйствам. Местные руководители в своих донесениях отмечали, что поголовье скота за это время сократилось с 121 тыс. до 80 тыс., а «в продолжении 1923 – 1924 гг. лошади и продуктивный скот продавались и продаются до настоящего времени самым беспощадным образом за бесценок» (ГАРФ, 1924, л. 12). Сложившейся ситуацией воспользовались перекупщики-спекулянты, которые, как писали местные газеты, хлынули в Славгород.

Ситуация в уезде продолжала ухудшаться вследствие нежелания центральных властей идти на уступки и признать его пострадавшим от неурожая. Главным противником смягчения налоговой политики в отношении местного населения выступало Центральное статистическое управление. Его представители считали, что «при наличии в хозяйстве одной лошади и одной коровы в сибирских условиях положение можно назвать нормальным» (ГАРФ, 1924, лл. 12-12 об.). Сибирские функционеры, особенно уездного уровня, заявляли о своем категорическом несогласии с подобной позицией, мотивируя это тем, что «нельзя подходить с одной меркой к хозяйству Сибири и хозяйству Центральной полосы России, потому что сибирский крестьянин, имея одну лошадь, не сможет обработать того количества пашни, урожай которой обеспечил бы существование всего семейства. Иначе говоря, одна лошадь и одна корова это все равно что ничего» (ГАРФ, 1924, л. 12 об.).

Негативные последствия не замедлили сказаться. Уже с сентября 1923 г. стали отмечать первые проявления голода. К началу 1924 г. из имеющихся в уезде 11 районов с общим населением 383 тыс. чел. голодало 9 районов при населении 300 тыс. чел. Наиболее сложной оказалась ситуация в трех районах (Славгородском, Знаменском и

Ново-Алексеевском) с числом жителей 118 тыс. чел., которые «обречены на сплошное недоедание» (ГАРФ, 1924, л. 15).

Месяцы	Число голодающих		
	трудоспособных	нетрудоспособных	всего
Сентябрь	2546	5454	9000
Октябрь	3128	6935	10 063
Ноябрь	4105	8139	12 144
Декабрь	5682	9113	14 795
Январь	7259	14 776	21 835
Февраль	8451	17 254	25 705
Март	11 780	43 872	55 652
Апрель	20 089	71 204	91 293

Таблица 1. Число голодающих в Славгородском уезде Омской губернии, 1923-1924 гг. (ГАРФ, 1924, л. 15 об.)

Table 1. Number of starving people in Slavgorod district of Omsk province, 1923-1924. (GARF, 1924, p. 15)

В апреле 1924 г. более 27 тыс. опухали от голода, не имея уже ни хлеба, ни скота (ГАРФ, 1924, л. 15 об.). Нередкими стали случаи голодной смерти. Как отмечалось в ходатайстве об оказании материальной помощи голодающему населению Славгородского уезда от 26 апреля 1924 г., «люди пухнут от голода, едят всякие суррогаты хлеба и отбросы, падаль, жмыхи, даже сыромятную кожу. Похищают трупы животных, павших или убитых вследствие заразных болезней» (ГАРФ, 1924, л. 15 об.). Ситуация была крайне тяжелая. Омский губисполком так описывает состояние голодающих: «При обследовании голодающих наблюдались ужасающие картины. Семьи крестьян раздеты, дети и женщины лежат совершенно голые в кучах соломы среди изб. Случаи голодных смертей и оставление на произвол детей и нетрудоспособных за последнее время учащаются» (ГАРФ, 1924, л. 47).

Основной удар пришелся по крестьянским хозяйствам, чей уровень благосостояния был подорван в предшествующие годы. В партийных и советских документах того времени отмечалось, что «по своему социальному положению все голодающие являются беднейшими крестьянами, а по национальному составу большинство немцы» (ГАРФ, 1924, л. 15 об.). Еще в декабре 1923 г. Славгородский уисполком сообщал, что наиболее тяжелая ситуация сложилась в Подсосновской и Ново-Романовской волостях, населенных преиму-

щественно немецким населением. В постановлении Президиума местного уисполкома отмечалось, что «если не будет оказана быстрая и действительная помощь, то … 3179 человек по двум волостям будут обречены на долгую голодовку и тяжелые лишения со всеми вытекающими отсюда последствиями (заболеваемость, смертность, преступления и т.п.)» (ГАРФ, 1924, лл. 59-59 об.).

Нежелание центральных властей идти на уступки, отсутствие ресурсов у местных властей заставляло немцев самостоятельно искать выход из сложившейся ситуации. Казалось бы, меннониты, например, могли рассчитывать на поддержку со стороны Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного союза (ВМСХС). Однако на все свои обращения о помощи они получали один ответ: «Средств нет» (ГАРФ, 1923-1924, л. 7). Находясь в некоем латентном конфликте с государством, они предприняли попытку пойти по уже апробированному пути – эмиграции. Так, еще в апреле 1923 г. меннониты Енисейской губернии заявили о своем намерении коллективно эмигрировать «на родину». Главной причиной называлось «безнадежное в хозяйственном и продовольственном отношениях положение общества» (ГАРФ, 1923-1924, л. 15). Находившийся в контакте с руководством ВМСХС Петр Лепп сообщал в телеграмме в Москву: «Имущие уезжают. Не удержимся. Спасите» (ГАРФ, 1923-1924, л. 8).

Однако немецкая эмиграция 1923-1924 гг. не стала массовой и носила единичный характер. В 1924 г. сибиряки собрали хороший урожай зерновых. Постепенное восстановление кооперации, контакты с различными организациями, в том числе Всероссийским меннонитским сельскохозяйственным союзом, позволило немецким хозяйствам в короткий срок преодолеть кризисные явления.

Начиная с 1924 г. основная ставка была сделана на образование кооперативных товариществ, ориентированных на сельскохозяйственное производство. В Славгородском уезде первые кооперативы были зарегистрированы уже осенью 1924 г. К концу 1925 г. было образовано 32 товарищества и артели, которые объединили 1387 хозяйств (ГАРФ, 1926-1927, л. 90). Одновременно они стремились укрепить свои связи с ВМСХС. Это осуществлялось посредством вступления единоличных хозяев в Союз. И этот процесс шел активно: к лету 1925 г. в него вступил 899 домохозяин (ГАРФ, 1925, лл. 148-154 об.). Для сравнения: членами Омского отделения Союза на май того же года было лишь 414 домохозяев (ГАРФ, 1925, л. 26). В уездных и губернских центрах открывались отделения Союза, которые координировали хозяйственную деятельность и выступали посредниками между головной конторой в Москве и рядовыми членами. Аналогичная

работа проводилась повсеместно. Меннонитские кооперативы возникали вблизи Омска, в Семипалатинской области, Киргизской АО.

ВМСХС к середине 1920-х гг. накопил опыт успешного ведения хозяйственной деятельности в условиях НЭПа. Оперативно реагируя за изменения рыночной конъюнктуры, он направлял на места запросы на поставки различных сельскохозяйственных товаров в кратчайшие сроки. К тому же продукцию следовало доставить в надлежащем товарном виде. Например, в адрес Омского отделения был направлен запрос на поставку яиц. Заказ был отгружен в ящиках с соломой. Однако при транспортировке в подобных условиях, как отмечалось в документах, «омские яйца благодаря упаковке в соломе оказались 66% брак» (ГАРФ, 1924-1925), л. 22). Этот же товар из Славгорода потребовали грузить в стружку, в противном случае убытки относились на счет отправителя.

Одним из самых ходовых товаров в 1925 – 1927 гг. вновь стало животное масло. На внутреннем рынке наибольшим спросом пользовалось топленое масло. Его отделения скупали для отправки в Европейскую часть страны у местных крестьян, принимая участие во всесоюзном товарообороте. Немецкие маслодельческие кооперативы к 1927 г. смогли восстановить производство «экспортного масла». На проводившихся маслодельческих конкурсах оно всегда показывало отличные результаты.

Отличительной чертой Сибири первой четверти XX в. являлась слаборазвитая банковская сеть. В условиях НЭПа одной из главных причин медленного развития регионального рынка стали «скудные средства». Ограниченность собственных капиталов сибирских отделений зачастую приводила первоначально к срыву многочисленных выгодных контрактов. Например, в конце 1924 г. омские меннониты взяли на себя обязательство поставить в Москву муку первого и второго сорта. Высокое качество товара давало возможность на заключение выгодного контракта: требовалось 60 и 30 вагонов соответственно. Однако поставить смогли лишь 5 вагонов (ГАРФ, 1922-1924, л. 10).

Омское, Славгородское и иные отделения ВМСХС за Уралом оказались не подготовленными к ведению активной коммерческой деятельности. Некоторые исследователи оценивают сибирские отделения как «наиболее слабые» (Осташева, 2000, с. 292). Подобная «слабость» объясняется, в первую очередь, негативными последствиями Гражданской войны, повышенной ставкой продналога и голодом 1923-1924 гг.

В условиях восстановления хозяйства (1925-1927 гг.) основная заслуга отделений заключалась в координации деятельности кооперативов на местах, обеспечении их сортовым посевным материалом, породистым продуктивным скотом, необходимым инвентарем. Важными были поставки товаров широкого потребления (мануфактуры), сложной техники (сепараторов и тракторов) и минеральных удобрений. ВМСХС выступал удобным посредником между Госторгом и своими низовыми ячейками.

Кооперация, ориентированная на ВМСХС, стала основной организационной формой хозяйствования немецкого населения Сибири. Уже в 1926 г. только в Славгородском округе, по данным местного Отделения ВМСХС, было организовано 59 сельскохозяйственных кооперативов, объединивших 2055 меннонитских хозяйств с численностью населения в 13 029 чел., в распоряжении которых находилось более 80 тыс. дес. земли (ГАРФ, 1926-1927, л. 6 об.). Пользуясь огромным авторитетом среди немецких крестьян-единоличников, оно способствовало сохранению в условиях самоизолированности немецких поселков традиционного образа жизни с сильным влиянием общинных институтов и религиозных активистов. Однако уже с конца 1925 г. деятельность ВМСХС начала подвергаться критике со стороны местных партийных и советских функционеров, ратовавших за ее ликвидацию (Фаст, 2012, с. 27).

Еще в начале 1920-х гг. партийные и советские органы на местах стремились осуществлять политику большевизации и советизации этнических меньшинств посредством нацсекций и отделов, но в середине 1920-х гг. в условиях «угара НЭПа» последние были ликвидированы. Так, возглавлявшийся И. В. Сталиным НАРКОМНАЦ был ликвидирован в 1923 г. (Дённингхаус, 2014, с. 118).

В некоторых современных исследованиях отмечается, что «интерес кремлевского руководства к “текущим национальным группам”» был обусловлен массовыми антисоветскими выступлениями, ставшими ответной реакцией на политику коллективизации (Дённингхаус, 2014). Однако трудно согласиться с подобным утверждением. Контраргументом может стать своего рода кампания по образованию в 1927-1928 гг. нескольких немецких районов на территории РСФСР (Сибирский край, Оренбургская губерния, Самарская губерния). Инициатива, как правило, шла от местных органов власти. И в данном случае мы имеем дело с тремя практическими воплощениями идеи национально-культурной автономии для советских немцев. Так, 4 июля 1927 г. по представлению Отдела национальностей ВЦИК было принято решение об организации в Славгородском округе

Немецкого района, который по инициативе райкома ВКП(б) в 1928 г. был переименован в Октябрьский (ГАРФ, 1927-1928, л. 7). В Оренбургской губернии в составе Покровского района был образован Кичкасский немецкий подрайон. Инициатива образования немецкого района на землях бывшей Больше-Константиновской волости в Самарской губернии (Средне-Волжской области) не нашла поддержку в Москве. Не акцентируя внимание на существование АССР Немцев Поволжья, столичные чиновники сделали акцент на «малочисленность» немецкого населения в волости (ГАРФ, 1928, л. 4). И в то же время региональным властям была дана рекомендация «немедленно принять меры к организации немецких национальных сельсоветов» (ГАРФ, 1928, л. 5).

Несколько раньше (1924 г.) в составе отдельных округов начали образовывать национальные административно-территориальные единицы низового порядка. Так, только в составе Славгородского округа Сибирского края в этот период существовал 21 немецкий сельсовет (ГААК, 1925-1926, л. 26).

Подобная деятельность наблюдалась во всех регионах с компактным немецким населением. Так, на Украине к 1931 г. было образовано семь национальных районов, два поселковых совета и 252 сельских совета (Клёц, 2000, 318).

Образование Немецкого (Октябрьского) района Сибирского (Западно-Сибирского) края, с одной стороны, осуществлялось в рамках проводимой в этот период реформы административно-территориального деления. С другой стороны, выделение национальной единицы должно было позволить власти взять ситуацию под контроль.

ВЫВОДЫ

В конце XIX – начале XX в. в Сибири сформировалась новая этнодисперсная группа – сибирские немцы. Их основу составили крестьяне-переселенцы, создавшие крепкие хозяйства фермерского типа. Адаптировавшись к новым условиям, они прочно заняли сельскохозяйственную нишу, став одним из важных поставщиков на рынок зерна, животного масла и других продуктов.

Первая мировая война стала отправной точкой в разрушении немецких хозяйств. Гражданская война, экономическая политика белых и красных в 1918-1920 гг. в Сибири спровоцировали их дальнейшее разорение.

Только переход к многоукладной экономике и возрождение кооперации в начальный период НЭПа при поддержке Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного союза позволило переломить

ситуацию. В 1924-1927 гг. немецкие хозяйства Сибири, благодаря предпринимательской деятельности ВМСХС, смогли преодолеть экономический кризис и вернуться к стабильному развитию.

Стремясь удержать ситуацию в местах компактного проживания под контролем, повысить уровень лояльности немцев к Советской власти, минимизировать влияние клерикальных кругов, партийное и советское руководство в рамках реализации национальной политики пошло по пути образования низовых административно-территориальных единиц (сельских, поселковых советов, районов). Однако к началу «Большого скачка» (1928-1933 гг.) ему так и не удалось ликвидировать консервативные настроения в немецкой деревне. Силовое решение на рубеже 1920-х – 1930-х гг. приведет лишь к новому конфликту советских немцев и государства.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00 010 «Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций 19-20 вв.».

The reported study was funded by RFBR and BRFBR, project number 20-59-00 010 “Ethnic minorities in Belarus and Russia in the conditions of social transformations of the XIX-XX centuries.”

Список литературы

Brandes, D., & Savin, A. (2001). *Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919-1938 [The Siberian Germans in the Soviet State 1919-1938]*. Essen: Klartext Verlag. (In German).

Fast, G. (1957). *In den Steppen Sibiriens [In the steppes of Siberia]*. Winnipeg, Rosthern, SK: J. Heese. (In German).

M … r, A. (1964). Das kirchliche und religioese Leben der Deutschen in Sibirien und Mittelasien von seinen anfaenger bis zum Jahre 1914 [The Ecclesiastical and Religious Life of the Germans in Siberia and Central Asia from its Beginning to 1914]. In *Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1964 [Homeland book of the Germans from Russia. 1964]* (pp. 118–127). Stuttgart. (In German).

Schmidt, E. (1926). Die deutschen Kolonien in Sibirien und Mittelasien [The German Colonies in Siberia and Central Asia]. In *Deutsche im Ausland [Germans abroad]* (pp. 95–100). Breslau. (In German).

Shaidurov, V. (2017). German Industrial Enterprises in Western Siberia in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*, *43*(1), 162–168. doi: 10.13187/bg.2017.1.162

Stach, J. (1938). *Das Deutschtum in Sibirien, Mittelasien und dem Fernen Osten [Germanness in Siberia, Central Asia and the Far East]*. Stuttgart: W. Kohlhammer. (In German).

Stumpp, K. (1964). Der Russlanddeutschtum in Nord- (Sibirien) und Mittelasien [Russian-Germanism in Northern (Siberia) and Central Asia]. In *Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1964 [Homeland book of the Germans from Russia. 1964]* (pp. 5–14). Stuttgart. (In German).

Алексеенко, И. И. (1995). История и проблемы российских немцев на Кубани. *Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: материалы Российско-Германской научной конференции. Анапа, 22-26 сентября 1994 г.*, 55–69. Москва.

Белковец, Л. П. (1995). *«Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е гг.)*. Москва: Международный союз немецкой культуры.

Вибе, П. П. (2007). *Немецкие колонии в Сибири: Социально-экономический аспект*. Омск: ООО Издательский дом «Наука».

Вощинин, В. П. (1912). *На сибирском просторе. Картины переселения*. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Наш век».

Государственный архив Алтайского края (ГААК). (1917a). *Ф. 233. Оп. 1. Д. 799.*

Государственный архив Алтайского края (ГААК). (1917b). *Ф. 233. Оп. 1. Д. 800.*

Государственный архив Алтайского края (ГААК). (1917c). *Ф. 233. Оп. 1. Д. 801.*

Государственный архив Алтайского края (ГААК). (1917d). *Ф. 233. Оп. 1. Д. 802.*

Государственный архив Алтайского края (ГААК). (1917e). *Ф. 233. Оп. 1. Д. 803.*

Государственный архив Алтайского края (ГААК). (1917f). *Ф. 233. Оп. 1. Д. 805.*

Государственный архив Алтайского края (ГААК). (1917g). *Ф. 233. Оп. 1. Д. 808.*

Государственный архив Алтайского края (ГААК). (1917h). *Ф. 233. Оп. 1. Д. 810.*

Государственный архив Алтайского края (ГААК). (1917i). *Ф. 233. Оп. 1. Д. 812.*

Государственный архив Алтайского края (ГААК). (1917j). *Ф. 233. Оп. 1. Д. 815.*

Государственный архив Алтайского края (ГААК). (1917k). *Ф. 233. Оп. 1-б. Д. 575.*

Государственный архив Алтайского края (ГААК). (1925, 1926). *Ф. П-38. Оп. 2. Д. 180.*

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). (1922, 1924). *Ф. А-423. Оп. 1. Д. 28.*

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). (1923-1924). *Ф. А-423. Оп. 1. Д. 18.*

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). (1923-1925). *Ф. А-423. Оп. 1. Д. 27.*

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). (1924). *Ф. 259. Оп. 8б. Д. 1763.*

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). (1924-1925). *Ф. А-423. Оп. 1. Д. 95.*

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). (1925). *Ф. А-423. Оп. 1. Д. 165.*

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). (1926-1927). *Ф. Р-393. Оп. 77. Д. 269.*

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). (1927-1928). *Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 1070.*

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). (1928). *Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 996.*

Государственный архив Томской области (ГАТО). (1916). *Ф. 3. Оп. 67. Д. 503.*

Дённингхаус, В. (2014). Советская национальная политика и проблема этнодисперсных групп (1922 – 1930 гг.). *Советские нации и национальная политика в 1920 – 1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10 – 12 октября 2013 г.*, 115–125. Москва: Политическая энциклопедия, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина».

Ильиных, В. А. (2013). Сельское хозяйство Западной Сибири в XX веке: Динамика и проблемы развития. *Освоение и развитие Западной Сибири в XVI - XX вв. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Чаусского острога*, 21–25. Новосибирск: Агентство «СИБПРИНТ».

Клёц, В. К. (2000). Немецкие национальные районы в социально-экономической жизни Днепропетровской области накануне их ликвидации. *Немцы России и СССР. 1901–1941 гг.: материалы международной научной конференции*, *318–328*. Москва: Готика.

Кротт, И. И. (2010). *Сельскохозяйственное предпринимательство: Поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 гг.)*. Омск: Издательство ОмГПУ.

Нагнибеда, В. Я. (Ред.). (1913). *Сборник статистических сведения об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский. Выпуск 1.* Томск: Типография В.М. Перельман.

Нам, И. В. (2009). *Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917-1922 гг.)*. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Осташева, Н. В. (2000). Власть без власти: Организаторская, экономическая и политическая деятельность Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного союза (1923–1928 гг.). *Немцы России и СССР. 1901–1941 гг.: материалы международной научной конференции*, 285–297. Москва: Готика.

Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX в. (б. д.). Извлечено от http://stat1897.histcensus.asu.ru/data/

Редькина, О. Ю., Назарова, Т. П., & Морозова, Н. В. (2020). Взаимодействие меннонитской сельскохозяйственной кооперации в России и на Украине в годы нэпа. *Манускрипт*, *13*(8), 44–47. doi: 10.30853/manuscript.2020.8.7

Российский государственный исторический архив (РГИА). (1900-1901). *Ф. 391. Оп. 2. Д. 754.*

Российский государственный исторический архив (РГИА). (1910-1912). *Ф. 391. Оп. 4. Д. 67.*

Скубневский, В. А. (2010). Немецкое предпринимательство на Алтае во второй половине XIX – начале XX в. *Известия Алтайского государственного университета. Серия История*, (4–3), 198–202.

Смирнова, Т. Б. (2008). Этническая история немецкой диаспоры в трудах сибирских ученых. *Гуманитарные науки в Сибири*, (3), 63–68.

Фаст, А. А. (2012). *Немецкий район на Алтае: 1927-1938: документы и материалы.* Барнаул: ОАО «ИПП «Алтай».

Чеснок, Е. В. (1995). Немецкие колонии Области Войска Донского. *Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: материалы Российско-Германской научной конференции. Анапа, 22—26 сентября 1994 г.*, 79–98. Москва.

Шайдуров, В. Н. (2013). *Евреи, немцы, поляки Западной Сибири XIX - начала XX в.* Санкт-Петербург: Издательство Невского института языка и культуры.

Шайдуров, В. Н. (2003). *Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае: Конец XIX - начало XX вв.* Барнаул: Полиграф-сервис.

References

Alexeenko, I. I. (1995). History and problems of Russian Germans in the Kuban. *Russian Germans on the Don, the Caucasus and the Volga: Proceedings of the Russian-German Scientific Conference. Anapa, September 22-26, 1994,* 55–69. Moscow. (In Russian).

Belkovets, L. P. (1995). "*The Great Terror" and the Fate of the German Village in Siberia (late 1920s-1930s).* Moscow: International Union of German Culture. (In Russian).

Brandes, D., & Savin, A. (2001). *Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919-1938 [The Siberian Germans in the Soviet State 1919-1938].* Essen: Klartext Verlag. (In German).

Chesnok, E. V. (1995). German Colonies of the Don Region. *Russian Germans on the Don, the Caucasus and the Volga: materials of the Russian-German scientific conference. Anapa, September 22-26, 1994.*, 79–98. Moscow. (In Russian).

Doenninghaus, V. (2014). Soviet National Policy and the Problem of Ethnodispersed Groups (1922-1930). *Soviet Nations and National Politics in the 1920s - 1950s: Proceedings of the VI International Scientific Conference. Kiev, October 10 - 12, 2013.*, 115–125. Moscow: Political Encyclopedia, Boris Yeltsin Presidential Center Foundation. (In Russian).

Fast, A. A. (2012). *German District in Altai: 1927-1938: documents and materials.* Barnaul: OJSC "IPP Altai". (In Russian).

Fast, G. (1957). *In den Steppen Sibiriens [In the steppes of Siberia].* Winnipeg, Rosthern, SK: J. Heese. (In German).

Ilinykh, V. A. (2013). Agriculture in Western Siberia in the 20th Century: Dynamics and Problems of Development. *Development of Western Siberia in the 16th-20th centuries. Materials of the interregional scientific-practical conference dedicated to the 300th anniversary of Chausky Ostrog*, 21–25. Novosibirsk: SIBPRINT Agency. (In Russian).

Klyotz, V. K. (2000). German national districts in the socio-economic life of the Dnepropetrovsk region on the eve of their liquidation. *The Germans of Russia and the USSR. 1901-1941: Proceedings of an International Scientific Conference*, *318–328.* Moscow: Gothic. (In Russian).

Krott, I. I. (2010). Agricultural Entrepreneurship: Behavioral Strategies and Practices in the Transformation of Siberian Society (1914-1920). Omsk: OmGPU Publishing House. (In Russian).

M … r, A. (1964). Das kirchliche und religioese Leben der Deutschen in Sibirien und Mittelasien von seinen anfaenger bis zum Jahre 1914 [The Ecclesiastical and Religious Life of the Germans in Siberia and Central Asia from its Beginning to 1914]. In *Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1964 [Homeland book of the Germans from Russia. 1964]* (pp. 118–127). Stuttgart. (In German).

Nagnibeda, V. Y. (Ed.). (1913). *Collection of statistical data on the economic situation of migrants in Tomsk Province. Barnaul, Kainsk, Tomsk and Mariinsk uyezds. Issue 1.* Tomsk: Printing house of V. M. Perelman. (In Russian).

Nam, I. V. (2009). *The National Minorities of Siberia and the Far East at the Historical Turning Point (1917-1922).* Tomsk: National Research Tomsk State University. (In Russian).

Ostasheva, N. V. (2000). Power without Power: Organizational, Economic and Political Activity of the All-Russian Mennonite Agricultural Union (1923-1928). *The Germans of Russia and the USSR. 1901-1941: Proceedings of an International Scientific Conference*, 285–297. Москва: Готика. (In Russian).

Professions and occupations of the population of the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries. (n. d.). Retrieved from http://stat1897.histcensus.asu.ru/data/ (In Russian).

Redkina, O. Yu., Nazarova, T. P., & Morozova, N. V. (2020). Interaction of Mennonite agricultural cooperation in Russia and Ukraine during the years of the New Economic Policy. *Manuscript*, *13*(8), 44–47. doi: 10.30853/manuscript.2020.8.7 (In Russian).

Russian State Historical Archive. (1900-1901). *F. 391. In. 2. C. 754. (In Russian).*

Russian State Historical Archive. (1910-1912). *F. 391. In. 4. C. 67. (In Russian).*

Schmidt, E. (1926). Die deutschen Kolonien in Sibirien und Mittelasien [The German Colonies in Siberia and Central Asia]. In *Deutsche im Ausland [Germans abroad]* (pp. 95–100). Breslau. (In German).

Shaidurov, V. (2017). German Industrial Enterprises in Western Siberia in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*, *43*(1), 162–168. doi: 10.13187/bg.2017.1.162

Shaidurov, V. N. (2003). *Formation and Socio-Economic Development of the German Diaspora in Altai: Late 19th - Early 20th Centuries.* Barnaul: Polygraph Service. (In Russian).

Shaidurov, V. N. (2013). *Jews, Germans, and Poles in Western Siberia in the 19th and early 20th centuries.* St. Petersburg: Publishing house of the Nevsky Institute of Language and Culture. (In Russian).

Skubnevsky, V. A. (2010). German Entrepreneurship in Altai in the Second Half of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries. *Proceedings of the Altai State University. History Series*, (4–3), 198–202. (In Russian).

Smirnova, T. B. (2008). Ethnic History of the German Diaspora in the Works of Siberian Scientists. *Humanities in Siberia*, (3), 63–68. (In Russian).

Stach, J. (1938). *Das Deutschtum in Sibirien, Mittelasien und dem Fernen Osten [Germanness in Siberia, Central Asia and the Far East]*. Stuttgart: W. Kohlhammer. (In German).

State Archive of Altai Krai. (1917a). *F. 233. In. 1. C. 799.* (In Russian).

State Archive of Altai Krai. (1917b). *F. 233. In. 1. C. 800.* (In Russian).

State Archive of Altai Krai. (1917c). *F. 233. In. 1. C. 801.* (In Russian).

State Archive of Altai Krai. (1917d). *F. 233. In. 1. C. 802.* (In Russian).

State Archive of Altai Krai. (1917e). *F. 233. In. 1. C. 803.* (In Russian).

State Archive of Altai Krai. (1917f). *F. 233. In. 1. C. 805.* (In Russian).

State Archive of Altai Krai. (1917g). *F. 233. In. 1. C. 808.* (In Russian).

State Archive of Altai Krai. (1917h). *F. 233. In. 1. C. 810.* (In Russian).

State Archive of Altai Krai. (1917i). *F. 233. In. 1. C. 812.* (In Russian).

State Archive of Altai Krai. (1917j). *F. 233. In. 1. C. 815.* (In Russian).

State Archive of Altai Krai. (1917k). *F. 233. In. 1-б. C. 575.* (In Russian).

State Archive of Altai Krai. (1925, 1926). *F. П–38. In. 2. C. 180.* (In Russian).

State Archive of the Russian Federation. (1922, 1924). *F. A–423. In. 1. C. 28.* (In Russian).

State Archive of the Russian Federation. (1923-1924). *F. A–423. In. 1. C. 18.* (In Russian).

State Archive of the Russian Federation. (1923-1925). *F. A–423. In. 1. C. 27.* (In Russian).

State Archive of the Russian Federation. (1924-1925). *F. A–423. In. 1. C. 95.* (In Russian).

State Archive of the Russian Federation. (1924). *F. 259. In. 86. C. 1763.* (In Russian).

State Archive of the Russian Federation. (1925). *F. A–423. In. 1. C. 165.* (In Russian).

State Archive of the Russian Federation. (1926-1927). *F. P–393. In. 77. C. 269.* (In Russian).

State Archive of the Russian Federation. (1927-1928). *F. P–1235. In. 140. C. 1070.* (In Russian).

State Archive of the Russian Federation. (1928). *F. P–1235. In. 140. C. 996.* (In Russian).

State Archive of the Tomsk Region. (1916). *F. 3. In. 67. C. 503.* (In Russian).

Stumpp, K. (1964). Der Russlanddeutschtum in Nord- (Sibirien) und Mittelasien [Russian-Germanism in Northern (Siberia) and Central Asia]. In *Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1964 [Homeland book of the Germans from Russia. 1964]* (pp. 5–14). Stuttgart. (In German).

Vibe, P. P. (2007). *German Colonies in Siberia: Social and Economic Aspect*. Omsk: Nauka Publishing House LLC. (In Russian).

Voschinin, V. P. (1912). *On the Siberian expanse. Pictures of Resettlement*. St. Petersburg: Printing house of the partnership "Our Century". (In Russian).